

Šimek, Emanuel

Послесловие

In: Šimek, Emanuel. *Velká Germanie Klaudia Ptolemaia. Svazek IV, Kulturněhistorický obraz oblasti mezi Rýnem a horní Odrou - dolní Vislou, Dunajem a Baltickým mořem v dobách kolem počátku našeho letopočtu*. Vyd. 1. Brno: Masarykova univerzita s podporou Ministerstva školství, 1953, pp. [594]-624

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/126615>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Перевела Др. М. Ондрушкова.

В заключение к своей работе (т. I—IV) я бы хотел прибавить несколько замечаний общего характера:

Предпринятый мною критический разбор сведений Клавдия Птолемея о краях между Рейном и Вислой, Дунаем и Балтийским морем, заключенных античным миром под единое исторически-географическое и этническое понятие великой, свободной Германии (в отличие от Нижней и Верхней Германий, расположенных по левому, западному берегу Рейна в области римской провинции Галлии Бельгийской), ставил себе целью показать в правильном освещении цену и значение трудов ученого александрийца, как с точки зрения эпохи, в которой он жил, так с точки зрения потребностей нашего времени, желающего узнать во всех отношениях прежде всего, „как это действительно было“.

Птолемей в своем сочинении предстает перед нами как величайший географ своего времени и как последний из великих географов древней Греции. Поскольку нам это в настоящее время известно, он был поистине величайший ученый и всеобъемлющий дух своего времени, настоящий полиистор, стремящийся своим духом и своими трудами постигнуть весь зримый мир, он был также выдающийся знаток музыки и старался проникнуть и в незримую сферу звуков и тонов. При этом он был человек совершенно здравомыслящий. Именно этот его трезвый взгляд на вещи

привел его на ложный путь в величайшем и основнейшем вопросе его широких научных интересов, в вопросе отношения земли к солнцу и к вселенной, привел его к тому, что он предпочел эмпирическую, геоцентрическую систему Аристотеля гениальной, но трезвому опыту мнимо противоречивой гелиоцентрической системе Аристарха.

Это заблуждение, хотя и с точки зрения критических возможностей его времени собственно говоря служащее к чести его научной добросовестности, вместе с остальными, менее важными ошибками, вкравшимися в его *γεωγραφικὴ δφηγησις* прежде всего по вине современных ему, часто очень неудовлетворительных источников, но главным образом вместе с ошибками, привнесенными позднейшими переписчиками или допущенными его истолкователями нового времени, дало толчок к тому, что многие критики новейшей эпохи во главе с К. Мюлленгоффом, одним из основоположников и самых передовых представителей науки о германских древностях, объявили его обманщиком и наглым фальсификатором. Человека, которого его эпоха и ученый мир последующих столетий, стоящий к нему гораздо ближе и ввиду этого располагающий гораздо лучшими критериями его возможностей работать, называли, как тогда было принято выражать уважение, *θεῖος*, „божественный” Птолемей и которому его позднейший продолжатель в географии Маркиан Гераклеяский, поистине важнейший свидетель его возможностей работать, дает, ему единственному, высшие эпитеты *θειότατος* и *σοφώτατος*, хотя упоминает и других знаменитых мужей древности, как Протагор, Эрастосфен, Артемидор Эфесский и др. Красноречивым свидетельством, каким уважением и почтением пользовалось имя Птолемея в течение ряда столетий, является также исключительно сильное влияние его трудов и на творчество и на взгляды ученого мира вплоть до позднего средневековья.

Мюлленгофф и другие несправедливые критики Птолемея и его работы забыли основное требование объективной критики, что разбираемого автора и его труд надо критически

оценивать согласно требованиям и возможностям работать не своего а его времени и что разбираемый автор не виноват в ошибках и заблуждениях, совершенных его позднейшими переписчиками и толкователями.

Так особенно в новое время Птолемея постигла та же судьба, как многих других из тех, которые занимались исследованием и писали, пишут и будут писать о мало известных вещах, являющихся предметом их исследования и изучения. Та же участь уже в настоящее время выпадает и на долю строгих судей Птолемея, в первой очереди напр. также на долю К. Мюлленгоффа. Было бы совершенно уместно, задать вопрос, как справился бы с такой чрезвычайно трудной задачей, которую себе поставил Клавдий Птолемей в начале II в. в Александрии, его строгий критик профессор Мюлленгофф, так резко судивший и осудивший его с точки зрения современной ему эпохи — второй половины XIX века — если бы он жил вместо в Берлине XIX века на его месте и в его время в далекой египетской Александрии и при этом должен был бы нарисовать по его методу сухих данных и цифр исчерпывающую картину напр. северной Европы при помощи таких недостаточных источников, какими располагал Птолемей.

Дело, конечно, имеет и свою обратную сторону. Именно эти заблуждения Птолемея и бесконечный ряд ошибок, которые допустили и еще могут допустить толкователи его труда, обеспечивает Птолемею и его сочинению постоянный интерес любознательных людей и тем и истинное бессмертие . . .

Задача, за которую взялся Птолемей в первой половине II века н. э., т. е. более чем восемнадцать столетий тому назад, действительно была сверх человеческих сил. Он хотел дать в возможно сжатой форме руководство, по которому каждый его читатель мог бы сам на любом месте и в любое время начертить схематическую карту ойкумены, всего тогда известного мира и его отдельных областей. Сам он не приложил эти карты к своему руководству. Приложил ли он

к нему по крайней мере обзорную карту всей ойкумены, мы не знаем наверное. Если он это сделал, это означает, что она вскоре потерялась и не стала образцом карт того рода, известных нам в настоящее время и относящихся в общем к более позднему времени. То же самое надо сказать о областных картах, находящихся у отдельных рукописей и носящих типичные признаки более позднего времени, к которому относятся дошедшие до нас рукописи (ср. В. Г. 1,97, прил. 11). Текст Географического путеводителя (*ὑφήγησις*) Птолемея вполне достоверно указывает, что он его создавал и оформлял согласно картам или схематическим чертежам, сделанным им самим.

С какими затруднениями он встречался при черчении своих образцов для этих карт, лучшим доказательством того является его карта Европы и в частности Великой Германии, являющейся главным предметом исследования в моей работе.

Прежде чем перейти прямо к нему, мы должны посвятить еще несколько слов вопросу, какое участие принимал в работе Птолемея его ближайший предшественник и старший современник Маринус из Тира.

В мировой литературе со времени Бергера привился взгляд, что II—VII книги Географического путеводителя (*ὑφήγησις*) Птолемея являются в сущности произведением Маринуса, заимствованным Птолемеем, и в нашей чешской литературе даже пришли к заключению, что в руки Птолемея перешло наследство Маринуса и с ним и неоконченный географический труд, который он всесторонне использовал (в сущности злоупотребил) в своем Географическом путеводителе. Из этого и другого следовало, что собственно ему принадлежали из всего Географического путеводителя только первая (вступительная) и восьмая (заключительная) книги Географического путеводителя.

Оба эти заключения являются совершенно неправильной и несправедливой догадкой. О Маринусе из Тира нам известно лишь только то, что нам о нем сообщил Птолемей. Уже

за одно это мы должны быть ему благодарны. Птолемей посвятил его труду значительную часть своей первой книги, целых 15 глав (из 24). Из нее мы узнаем, что Маринус из Тира действительно был непосредственным предшественником в специальности, для которой греки создали название *γεωγραφία*, т. е. черчение карты земли в общих чертах. Однако из критических замечаний Птолемея мы видим в то же время, что каждый из них шел своим путем к своей цели. Маринус прежде всего усередно собирая и записывая разного рода известия. Он издал об этом несколько трудов, а не только один неоконченный, как полагали авторы вышеупомянутой теории. Птолемей местами довольно резко критикует непоследовательный и неметодичный способ, которым этот „муж“ (Маринус) пользовался в своих *συντάξεις* или *ἐκδόσεις τῆς τοῦ γεωγραφικοῦ πίνακος διορθώσεως* и который его никогда не мог привести к цели. Именно эта неудача Маринуса привела Птолемея к идее обработать другим, более методичным образом собственное руководство для черчения карты земли и отдельных ее частей. Этот свой замысел он и осуществил. Само собой разумеется, что он при этом кроме сведений им самим собранных, использовал также материалы собранные Маринусом. Этот очень разнородный материал он должен был сначала обработать, чтобы иметь единый критерий, которым он мог бы пользоваться для таблиц своего собственного „руководства“ (*γεωγραφικῆ ὑφήγησις*). В свете этих факторов вырисовывается также общая характеристика обоих последних великих географов греческой древности: Маринус был прежде всего усердный собиратель сведений об отдельных краях земли, Птолемей был кроме того еще и синтетик большого масштаба, который благодаря этому достиг цели, достижению которой Маринусу препятствовала его щепетильная добросовестность.

Само собой разумеется, что Птолемею приходилось большие пробелы, с которыми он вновь и вновь встречался при неоднородном материале, имеющемся в его распоряжении, очень часто пополнять по собственной догадке, которая

могла, но не должна была быть правильной. Это, однако, согласно греческому взгляду на географию как на черчение карты земли в общих чертах, не являлось серьезным недостатком (с предположениями и догадками работал по свидетельству Птолемея также Маринус). Требование геометрически совершенно точной карты не было тогда еще известным и не было, конечно, и исполнимым. Более подробное нанесение на карту детальных познаний считалось задачей хорографии.

К оформлению Географического путеводителя я бы заметил еще, что Птолемей определяет во 2—7 книгах местоположение отдельных неподвижных точек (устьев и истоков рек, бережных мысов, конечных пунктов горных цепей и местоположение населенных пунктов) при помощи географических координат, чисел, определяющих в градусах и минутах географическую долготу и широту этих точек и приобретенных вычислением данных в источниках и часто, конечно, одной догадкой. В заключительной восьмой книге Птолемей приводит местоположение своих *πόλεις* (городов и других населенных пунктов) не в градусах, но в часах: он определяет географическую широту каждой местности числом часов и минут ее самого длинного дня (во время летнего солнцестояния) и географическую долготу числом часов (минут), в течение которых солнце пройдет путь между ним и Александрией. Он, следовательно, пользуется более примитивным способом определения географического местоположения. Это обстоятельство совместно с представлением, что важнейшая часть его труда, т. е. 2—7 книги по своему происхождению являются наследством Маринуса, способствовали возникновению представления, что восьмая книга Географического путеводителя генетически старше предшествующих книг и что за исключением первой книги, лишь она является настоящим самостоятельным произведением и духовной собственностью Птолемея.

Такое представление, конечно, неправильно. Как показал уже О. Кунтц (Cuntz) и вновь подтвердили мои вычисления,

возникли числа часов восьмой книги пересчетом и закруглением аналогичных чисел местоположений 2—7 книг. В последней тридцатой главе восьмой книги Птолемей дает наглядный перечень 26 главных областей, на которые он разделил всю ойкумену вместе с определением их географического местоположения (долготы и широты) вновь в градусах.

Географическая картина великой Германии Птолемея, воспроизводящая представление античного мира о т. н. свободной Германии между Рейном и Бислой, Дунаем и Балтийским морем включая Скандинавию и датские острова является наглядным примером, с какими препятствиями приходилось бороться Птолемею при недостатке надежных известий и почти полном отсутствии точных определений местоположений и вычислений для черчения его картографических набросков. В то же время эта карта является доказательством, как несмотря на все затруднения он все же прямо поразительным образом в далекой Александрии сумел постичь общее представление о стране, которой он никогда не видел (ср. В. Г. II, карты прил. 1, 2, III, прил. 1).

Конечно, он не сумел вполне справиться со всеми недостатками своих известий, также он и здесь не сумел избежать двух основных ошибок, следствием которых явилось искажение представления о Германии в нескольких направлениях и которые имели влияние и на изменение представления о других частях Европы на юг и на юго-запад от Германии.

Одной из этих ошибок, происшедших вследствие неправильного истолкования записей купеческих дорожников (итнерариев) об истоках Эльбы, бывших главным источником его познания, явилось перенесение названия Судеты на горы более на север от Дуная (на рубеже южной Чехии и Баварии—Австрии), второй ошибкой явилось смешение известий об истоках Рейна из Боденского озера с известиями об истоках Рейна и находящееся в связи с этим продвижение истоков Дуная и всей области вокруг Боденского озера в более южное положение, чем действительны истоки Рейна.

Следствием первой ошибки было, что на карте Птолемея возникли две чешских области, точнее чешско-баварских, одна „под” настоящими Судетами (которым Птолемей дал название „Аскибургийские горы”) и „под” горами Мелибокскими, длинной горной цепью, в которой Птолемей соединил нынешние Рудные горы, Тюрингенский лес и др., вторая „под” длинной горной цепью над Дунаем, на которую Птолемей по ошибке перенес название Судеты. Таким образом карта восточной части Германии у него растянулась на одну широту нынешней Чехии в направлении меридиана к северу.

Чтобы связать восточную Германию с ее западной частью, Птолемей выпрямил течение Рейна от Майнца к устью также в направлении меридиана, вследствие чего северная Германия вновь продвинулась по направлению к востоку (северо-востоку), между горами Мелибокскими (течением Эльбы) и горами Аскибургийскими (настоящими Судетами) таким образом возник широкий промежуток (потому что восточный конец гор Аскибургийских был определен данными о восточных границах Германии, точнее, данными об истоках Вистула—Вислы, вследствие того продвинутых у него также к востоку), горы Абнобские, в которые Птолемей кроме гор на юг от нижнего Майна включил также гористые области на север от него, также подвинулись далее на восток от Рейна и т. д.

Перенесением истоков Дуная на местоположение настоящих истоков Рейна у Птолемея растянулась главным образом югозападная Германия в направлении меридиана к югу, но вместе с тем сузился простор между Дунаем и Италией, следствием чего явилось сужение площади Речицы, Норика, отчасти и Паннонии и продвижение северной Италии на юг, что в свою очередь привело к укорочению продольной оси Италии и северной части Адриатического моря в направлении почти параллельном. Вследствие наклонения продольной оси северной части Адриатического моря получили также Истрийское побережье и большая часть Иллирского побережья (нынешнего хорватско-далмат-

ского) иное направление, так что вначале оно идет с запада на восток и переходит потом большой дугой постепенно приблизительно от нынешнего Которского залива к югу. Таким образом у Птолемея подвинулась его Иллирия в северном направлении, следствием чего явилось сужение Иллирии и Паннонии. Дальнейшим следствием того было отклонение течения среднего Дуная из южного направления в юговосточное. На западе естественным последствием явилось продвижение всего побережья Галлии и Испании. Так как местоположение нынешнего Гибралтарского пролива (*fretum Gaditanum*) было Птолемею так хорошо известно, что оно стало одной из его основных неподвижных точек (Птолемей определяет его согласно действительности 36-ой параллелью) и также побережье Средиземного моря нельзя было отодвинуть, помог себе Птолемей тем, что сломил направление продольной оси Пиренеев в середине так, что она у него идет к нынешнему Бискайскому заливу в северозападном направлении. Таким образом у него северное испанское побережье продвинулось приблизительно на два градуса широты на север, этим выравнился промежуток, возникший продвижением главного устья Рейна в местоположение впадения Везера, явившегося следствием выпрямления нижнего течения Рейна в северном направлении. Западное побережье Испании у него также удлинилось из $7\frac{3}{4}$ на $9\frac{3}{4}$ градусов широты и вся форма полуострова этим значительно деформировалась.

Кроме изменений, происшедших на карте Птолемея изменением местоположения верхнего течения Дуная и нижнего течения Рейна, надо упомянуть также восточные границы Германии, которые Птолемей согласно взглядам античного мира ведет по Висле (Вистулас), но так, что он представлял себе течение Вислы как прямую, сопутствующую с восточной стороны в общих чертах „янтарному“ торговому пути, шедшему от Моравских ворот через область верхней Одры к нижней Висле.

Что касается отдельных групп островов в Северном

и Балтийском морях, здесь я бы обратил внимание на то, что Птолемей для них трижды пользуется ориентальным, символическим числом „три”, долженствовавшим просто обозначать что островов большее количество. Скандинавский полуостров Птолемей представлял себе — также согласно воззрениям античного мира — большим островом со всех сторон окруженным океаном („великая Скандия” в отличие от „малых Скандий” — датских островов).

Записи Птолемея об орографических отношениях в Германии представляют большой шаг вперед сравнительно с познаниями римского мира, не проявляющего к познаниям такого рода никакого интереса. Во всех отношениях практический римлянин не видел в горах, покрытых дремучими лесами предмет научного исследования, каким они были напр. для Птолемея, но исключительно только препятствие в пути к его торговой или военной цели. Поэтому мы также пойдем, с какой кропотливостью вероятно искал автор Географического путеводителя нужные данные о числе и положении отдельных горных цепей в Германии из купеческих дорожников (итинерариев), к которым здесь и там были приложены маргинальные заметки, посвященные горам, истокам и устьям рек и т. п. Его общая орографическая картина Германии, составленная из таких, часто лишь совершенно случайных заметок, содержавших раз замечания о горной цепи, но не ее названия, иной раз опять название, но так, что лишь первоначальный владелец дорожника знал, что этим хотел в действительности сказать, несмотря на все трудности и ошибки, возникавшие из этого, обнаруживает сравнительно большое сходство с действительным положением вещей. Поскольку это касается числа и главного направления продольной оси отдельных значительных групп гор и отдельных небольших соединительных кряжей. Этого нельзя утверждать по отношению к названиям горных цепей, обозначаемых в дорожниках повидимому гораздо реже. Так мы видим на карте, начерченной по данным Птолемея (В. Г. II, прил. 1), что он различал в краях над Дунаем три

основные большие горные цепи, одну на юго-западе между верхним течением Рейна и нижним течением баварской Альтмюль (Altmühl) с продольной осью от юго-запада к северо-востоку, значит вполне соответствующе действительности, вторую далее на восток над Дунаем в направлении параллелей приблизительно вплоть до моравской нижней Иглавы (реки) и третью еще далее на восток между Дунаем и истоками Вислы в направлении в общих чертах меридиана. В области на север от этих трех горных цепей он наносит на карту дальнейшие три основные горные цепи, одну на восток от Рейна в направлении меридиана параллельно с течением реки вплоть до высоты (географ. широты) истоков реки Эмса, вторую в направлении параллелей из нынешнего Гессена на запад от реки Фульды вплоть до среднего течения Эльбы, и третью на запад от истоков Вислы с основным направлением от юго-востока к северо-западу.

Эти шесть главных горных цепей можно по их положению и направлению их продольной оси с первого взгляда легко отождествить: первую с горами от Шварцвальда через Швабскую Альб вплоть до южной части Франкской Юры включительно, вторую с горами и гористыми краями по обеим сторонам нынешней государственной границы чешско-моравско-баварско-австрийской, третью с западными Карпатами, четвертую с гористыми краями на восток от среднего и нижнего течения Рейна, пятую с горами от Роны через Тюрингинский лес вплоть до восточного конца Рудных гор и шестую с нынешними Судетами от Есеника по Лужицкие горы включительно.

Между этими шестью главными горными цепями или в их соседстве Птолемей различал четыре дальнейшие небольшие „леса“ (т. е. лесистые горы): один между обеими большими средними цепями, который, видимо обозначал их соединительное звено от Фихтельгебирге в южном направлении, второй между средней зоной над Дунаем и западными Карпатами, третий „лес“ на юг от той же средней цепи над Дунаем и четвертый наконец на восток от третьего „под“

западным концом второго „леса“. Местоположение второго „леса“ показывает, что дело идет об южноморавском горном крае от нижнего течения Свратки (Шварцавы) вплоть до Карпат, второй „лес“ очевидно тождествен с самой южной частью средней цепи гор над Дунаем на рубеже южной Чехии и Баварии-Австрии, и третий с Павловскими холмами около римского Мушова, которые, хотя небольшие по размерам, имели для римлян, путешествующих из Виндобоны к Мушову, значение издалека видимого указателя дороги.

Более слабой стороной этих горных цепей у Птолемея являются их названия. Относительно лучше всего размещены названия обеих западных горных цепей. Цепь над самым верхним течением Дуная обозначает Птоломеем как „горы одинакового названия как Альпы“ (*τὰ βῶντῶνα τοῖ Ἀλπείοις ὄρη*), что подтверждает, что по крайней мере ее средняя часть уже тогда имела нынешнее название Алб или Алба, данное ей старым кельтским населением этих краев. Вторая цепь у Птолемея сохранила древнее отечественное название Абноба, которое он распространил и на горные края на север от нижнего Майна.

Среднюю главную горную цепь над Дунаем он назвал по ошибке Судетами. Эта ошибка, как я уже упомянул, имела очень серьезные последствия не только для его картины Германии, но и для других соседних областей. Ошибка, видимо, возникла неправильным соединением сведений (маргинальных примечаний) дорожников об истоках Эльбы, о подлинных Судетах с записью или с записями об истоках Влтавы, считаемой Птоломеем верхним течением реки Эльбы в горах над Дунаем.

Для картины Германии имело это перенесение названия Судеты на южночешские горы последствием, что эти горы были помещены в местоположении подлинных Судет и что обе длиннее, более северные главные горные цепи, названные Птоломеем, как я уже сказал, горами Аскибургскими (т. е. подлинными Судетами) и Мелибокскими (Рудные горы, Тюрингенский лес и др.) продвинулись на всю ширину Чехии

и северной Баварии далее на север. Так как Птолемей данные дорожников, относящиеся в действительности к области нынешней Чехии, нанес на карту по характеру записей в дорожниках раз на юг от своих Судет и другой раз, когда в дорожнике не приводилось одновременно название Судеты, под свои Аскибургские горы, то область Чехии у него протянулась на два раза больше в северном направлении. И подобным образом вытянулась у него также область северной Баварии.

Лесистая горная цепь, соединяющая Мелибокские горы с его Судетами, несет у Птолемея название Семанский лес, три „леса” в окрестностях Судет Птолемея называются Габрета (видимо старое название со времен кельтского заселения, подобно как и само название Судеты), Оркинский лес (очевидно литературный пережиток с более древних времен после прежнего общего названия *Hercynia silva*, с которым Птолемей уже не сумел справиться) и лес Луна, название, которое получили Павловские холмы вероятно от южных купцов вследствие своей дугообразно загнутой, к югу открытой формы.

Птолемей дал искусственное название Сарматские горы горной группе западных Карпат, которая на юго-востоке отделяла Германию от его европейской Сарматии.

Самой слабой стороной географии Птолемея являются его гидрографические данные. В ней очень хорошо отражается то обстоятельство, что старые торговые пути по возможности избегали близости водных путей, где они встречали слишком много препятствий (болота, широкие и заболоченные устья притоков и т. д.). Поэтому Птолемей имеет более подробные сведения лишь о течении обеих главных пограничных рек римской империи Дуная и Рейна, между тем как у других германских рек он знает лишь положение их устья (видимо прежде всего из морских *Periplus*, записей о прибрежных плаваниях морских судов) и лишь в виде исключения также положение их истоков (Эмс, Везер, Эльба, Висла), не зная иначе никаких подробностей о их собственном течении.

О ряде других даже довольно больших рек, какими были Неккар, Майн, Липпе, Аиста, Наб, Ваг, Грон, Мже, Сазавы и т. д. из сообщений своих дорожников он не узнал ничего.

Результаты своих этнографических и топографических исследований Птолемей не стремился последовательно помещать в трудно приобретенные орографические рамки, о недостатках которых он сам зачастую очень хорошо знал, ни в еще более проблематичные гидрографические рамки, но он шел здесь иными путями. Для каждой из этих обеих целей он составил себе самостоятельные зоны, в которые он поместил данные, почерпнутые из его источников. Определением местоположения по отношению к горам или рекам он пользуется при этом лишь как ориентировочным пособием (напр. о маркоманах, что они живут „под Габретой“, семноны, что они живут от реки Эльбы вплоть до реки Сведы — Одры и т. п.

Для своей этнографии великой Германии он создал себе шесть зон или, лучше сказать, областей, в которых он поместил всего 75 (с Гельветической „пустыней“ 76) племен или их групп: 1) в прирейнской области 9 (с Гельветической „пустыней“ 10), 2) в приморской зоне между устьями Рейна и Вислы включая „острова“ великой Скандии (Скандинавии) 21, 3) в средней свабско-бургундской зоне 3 большие племена; эта зона разделяет у него всю остальную Германию на две части, северную с одной — четвертой — зоной, в которой помещено 10 племен (или их групп), и южную с двумя зонами или областями, одной — пятой — по обе стороны гор Аскибургских и Мелибокских, в которой Птолемей называет 13 племен или же их групп, второй на остальной более южной территории, где Птолемей приводит 19 племен (этнических названий).

Из этнографического материала, приведенного Птолемеем в Географическом путеводителе, особенно большое, прямо документальное историческое значение, если мы продвигаемся с севера, имеют прежде всего данные о селениях финнов, гутов (готов — гутонов) и левонов в Скандинавии,

саксонцев на территории от „Саксонских” островов и устья Эльбы вплоть до реки Халусос — Варнавы, ругов в дельте Вислы, бургундцев между Одрой и Вислой на восток от семнонов и на север от лугов (первое и единственное известие о селениях бургундцев в этих краях), лугов по обе стороны восточной части Судет (настоящих, о вандалах в этой области Птолемей еще ничего не знал!), силингов на север от западной части Судет (в действительности Исполиновых гор, первое, самое старое известие об этом племени), корконтгов на южной стороне той же горной цепи (под Исполиновыми горами, связь обоих названий очевидна), котингов в Моравии, херусков между Гарцем и Тюрингенским лесом (не на север от Гарца!), англов между херусками и лангобардами по нижнему течению Эльбы (первое и единственное историческое известие о селениях англов в этих краях), о древних селениях гельветов (*ἡ τῶν Ἐλουητίων ἔρημος* — вероятно еще с последними остатками этого кельтского племени) на территории между верхним Рейном и верхним Дунаем на север от Боденского озера, о селениях маркоманов „под” Габретой, т. е. на юг от Богемского леса и Новоградских гор в нынешней северной Австрии, квадов в Словакии и др. (ср. В. Г. II, карты, прил. I, II).

Для перечня топографического материала Птолемей избрал себе опять иной путь. Он отделил его в главе о Германии от этнографии (в прежних главах второй книги о краях западной Европы и те и другие данные были объединены) и дает его самостоятельно в четырех абзацах, перечисляющих сухой формой таблиц названия селений и их географическое местоположение (в градусах и минутах), в четырех параллельных зонах совершенно механически, без какого бы то ни было внимания к естественному разграничению их горами или реками, расположенных по параллелям, воображаемым линиям так, что первая зона с севера занимает область между 56-ой параллелью, по которой у Птолемея проходит южное побережье Балтийского моря, и 54-ой параллелью, вторая зона занимает следующую пло-

щадь в $2\frac{1}{2}$ градуса ширины ($51^{\circ} 30'$ — 54° сев. широты), третья площадь в три градуса ширины ($48^{\circ} 30'$ — $51^{\circ} 30'$ сев. широты) и наконец четвертая площадь между течением Дуная и $48^{\circ} 30'$ сев. широты. Это механическое деление избрал Птолемей видимо потому, что он слишком часто не знал, которому племени принадлежали селения и с какой стороны горных цепей следовало бы их поместить.

Таким образом Птолемей в Германии перечисляет и определяет местоположение 95 селений (с гаванью Марарманис). Из них в первой самой северной зоне помещено 20, во второй 29, в третьей 27 и в самой южной четвертой зоне 19 селений (*πόλεις* ср. В. Г. III, карты прил. I, II).

Уже то, о чем здесь упоминалось, показывает, какой трудной задачей является отождествить многие и многие из этих селений. Здесь нужно серьезно задуматься во первых над тем, где они находились по представлениям самого Птолемея, во вторых из какого дорожника или дорожников он черпал сведения о них, какое влияние на их местоположение на карте Птолемея могли оказать ошибки самого Птолемея и стоящие в связи с ними умышленные и непреднамеренные поправки карты и т. п. Совершенно неподходящими для этой цели являются обобщающие математические редуccionные формулы, рекомендуемые напр. Форбигером, Садовским, Мелисом (Mehlis) и др., совершенно также как и произвольные этимологизирующие методы, отождествляющие *πόλεις* Птолемея по случайному сходству их названий с названиями современных селений (ср. напр. Эбуродунон — Брно, и др.).

Топография Птолемея имеет для нас огромное значение прежде всего и потому, что она возникла на основании ряда дорожников, купеческих сообщений об отдельных торговых путях и что эти пути имели чрезвычайно большое значение для распространения культурных и других влияний из областей римской империи в древнюю Германию на север от Дуная и на восток от Рейна.

Вопросу, как представлены эти торговые пути в географии Птолемея, уже был посвящен целый ряд трудов решающих

вопрос по разному. По моему мнению мы можем различить в Географическом путеводителе Птолемея в общем одиннадцать главных путей того рода, а именно шесть путей, соединявших римскую придунайскую область и края к ней близкие с побережьем Балтийского моря, два пути, соединявшие римскую придунайскую область с побережьем Северного моря, один путь из придунайской области (от римского пограничного вала на реке Альтмюль) к низовьям Рейна, один путь с низовьев Рейна к Балтийскому морю и наконец один путь, соединявший оба моря, Северное и Балтийское (В. Г. III прил. II).

Это пути: 1) из Бригетиума—Келемантии к устью Вислы, 2) из Карнунтума к устью Вислы (в Эбуродунуне оба эти пути сливались), 3) из Виндобоны к устью Свеба—Одры, 4) из Арелате—Усбиа к дельте Одры, 5) из того же исходного пункта на Дунае к устью Эльбы, 6) из Бойодурума к устью Везера, 7) от пограничного вала (*limes*) на баварской реке Альтмюль к дельте Одры, 8) от пограничного вала на Альтмюль к нижнему Рейну, 9) из Сегодунума к нижнему Халусу—Варнаве, 10) из римского Алисума к нижней Варнаве (оба эти пути в Амисии сливались) и 11) из Фабиранума на Северном море в Марионы и Коиноенум на югозападном побережье Балтийского моря.

Кроме этих главных путей можно установить еще несколько их соединительных путей или ответвлений. Археологией засвидетельствованные пути из примайнской области в чешскую область при реке Огрже и из дунайской области от Пассау (древнего Бойодурума) в бассейн реки Вольньки в южной Чехии также как и путь от баварской Коубы через Домажлице в бассейн реки Мже и др. в географии Птолемея не представлены.

Что касается путешествия и характера путешествий на территории древней Германии, надо различать территорию близкую к римской империи от более отдаленных областей. В правой (восточной) прирейнской области и в северной придунайской находились пути двоякого рода, римские шоссей-

ные дороги и дороги туземцев. Внутри страны, в краях отдаленных от Рейна и Дуная, на которые уже непосредственное военное и административное влияние не распространялось, были, конечно, лишь дороги туземцев. Римские дороги были отчасти пути дальнего следования, служащие прежде всего военным целям, были шоссированы и вымощены каменными плитами или щебнем, отчасти соединительные боковые пути, о которых большей частью можно сказать то же самое. Путешествие по ним — насколько они находились в хорошем состоянии — было удобно и сравнительно безопасно, потому что совершалось под охраной римских военных гарнизонов. Дело обстояло иначе у дорог вне области, охраняемой авторитетом и могуществом империи. У них большей частью — поскольку они не вели болотами — отсутствовала какая бы то ни была искусственная прокладка. Это были скорее лишь линии, по которым большинство туземцев ходили и проезжали, чем дороги в нашем нынешнем значении слова. Там, где было довольно свободного места, они разбегались в ширину, подобно некоторым нашим краям на общественных пастбищах и в настоящее время (в районе Богемского леса и в других местах такие местности называются характерным для них образом „на драгах“) и только в более тесных ущельях, между скалами и т. п. разошедшиеся в разные стороны следы вновь сходились в одну вытоптанную и разъезженную дорогу, покрытую во время засухи толстым слоем пыли, превращающейся под дождем в непролазную грязь. По этим дорогам, особенно во время дождей, часто протекали потоки воды, стекающей с окрестных склонов. В болотах и торфяниках трассы дорог укреплялись гатью, связками прутьев, положенными поперек, жердями или даже довольно толстыми бревнами, соединенными по краям перекладинами так, что образовались крепкие деревянные колосники, по которым как по мостах переходилось через трясины и другие сырые места. Такие деревянные „мосты“ через топи строили римляне, классическим доказательством чего являются напр. „*pontes longi*“ Л. Домитиа в бассейне Эмса, но

они были найдены также в краях, куда римская армия и римские строители дорог никогда не приходили.

Римские шоссейные дороги обычно прокладывались, насколько это позволяла местность, в длинных прямых, между тем как дороги туземцев гораздо больше руководились поверхностью местности, избегая ее препятствий и шли поэтому часто в обход, любили отыскивать водоразделы и избегали болотистых берегов водных течений. Вольшинство их соединяло политические и экономические центры племени с остальной территорией, в которую расходились веером, и лишь важнейшие из них проходили пограничными лесами, посредством которых каждое племя защищало свои пределы, в качестве соединительных дорог с центрами соседних племен. Торговым экспедициям, проходившим по этим путям, угрожали сотни опасностей, особенно от разбойничьих шаек, подстерегавших чужестранцев в лесах или скалистых ущельях и отнимавших у них товар, привозимый купцами из их стран, или сырье, рабов и иную наживу, приобретенную обменом. Иностранцы купцы, конечно, стремились по возможности обеспечить себя отчасти вооруженной охраной, отчасти тем, что искали пути по возможности самые безопасные и избегали мест, на которых их караваны могли бы подвергнуться какой бы то ни было опасности. Более дальние экспедиции предпринимались лишь во время самой большой засухи, т. е. поздней весной и летом, когда пути были самые твердые, переходы на бродах рек и ручьев самые удобные и когда можно было путешествовать и полу-высохшими руслами, что для экспедиций, особенно в опасных гористых краях, имело немалое значение.

Экспедиции более дальнего следования вглубь страны предпринимались верхом на лошадях и вьючных животных, которые везли тюки с товаром. Об удобстве путешественников заботились лишь в областях, занятых римлянами. Там были и вне городов и мелких поселений придорожные таверны, частные гостиницы, особенно у брода или в особенно живописном ландшафте. Как это было далее внутри стра-

ны, мы пока еще не можем точно сказать, но кажется вполне возможным, что так купцы были предоставлены гостеприимству туземцев.

Влияния, распространявшиеся по торговым и другим путям из римской империи в область великой Германии, были со стороны производительной и материальной культуры благоприятны, но с общественной стороны вредны. В первом направлении они знакомили местное население с более передовыми методами труда, воспитывали его чувство изящной формы и украшения керамики и других изделий и таким образом приносили в отношении материальной культуры действительный прогресс. Во втором направлении они имели неблагоприятные последствия ввиду того, что пример римского и ориентального деспотизма оказывал влияние также на развитие общественных отношений в Германии и что римский и ориентальный рабовладельческий строй действовал очень вредно также на положение в Германии, ибо торговля с рабами стала и здесь очень прибыльным занятием.

Сжато описанию этого положения с культурной и общественной стороны посвящен четвертый том моей работы (по причинам технического характера, выходящий из печати как самостоятельный том вместо предполагаемого продолжения как вторая часть третьего тома).

Время, к которому относятся сведения и записи Птолемея и которое следовательно определяет также временную рамку для культурно-исторической картины великой Германии Птолемея, ограничено с одной стороны началом в ней военного, политического и культурного влияния римской империи в первом веке до н. э., с другой стороны годом, в котором Птолемей окончил своего Географического путеводителя.

Дата окончания этой работы определялась до сих пор в специальной литературе по-разному, чаще всего относилась к периоду около 150 г. или между 150—176 гг. н. э. На основании подробного изучения сведений II—VII книг птолемеевского Географического путеводителя я лично датирую

этот труд промежутком времени между 135—145 г. н. э. и в этом семилетии ближе к 135 г. чем к 142 г. В терминологии археолога рамки нашей работы определены в общем позднелатенским временем и раннеримским вплоть до времени правления Адриана, точнее, временем до начала правления Антония.

Эта датировка одновременно опровергает возражение Кубитшека, что Птолемей не упомянул о нескольких стоянках римских легионов, о которых имеются определенные сведения только лишь в эпоху около 150 г. н. э. Это возражение было возможно при датировке Кубитшеком Географического путеводителя Птолемея до 170 г., но оно отпадает при нашей датировке между 135—142 гг. Эта датировка вполне подтверждается также тем обстоятельством, что Птолемей, как и Тацит перед ним еще всю территорию *decumates agri* относит к великой Германии, потому что захват этой территории римлянами был окончен только лишь по написании Географического путеводителя окончательной постройкой и закрытием пограничной линии Мильтенберг—Лорх на Ремсе—Беминг (Böhming)—Гингейм (Hienheim) на Дунае которое произошло только в более поздний период правления Антония между 146—161 гг.

С археологической стороны в великой Германии Птолемея по моему имени надо различать две основные большие культурные области, а именно область непосредственного влияния провинциально-римской культуры, занимавшую широкую полосу территории на восток от Рейна и на север от Дуная, и центральную область собственно германской и кельтской культуры в бассейне Эльбы и Одры включительно теперешнюю Моравию. В первой области римская военная сила, римская дипломатия, римские деньги и римские купцы создали сферу непосредственного влияния империи, в которой своеобразие культуры туземного населения и особенно своеобразие германской материальной культуры почти полностью исчезает и подвергается влияниям провинциально-римской культуры. Вторая, цен-

тральная область древней Германии в бассейне Эльбы и Одры не подверглась в такой мере нивелирующему влиянию римской империи, но сумела себе сохранить свой собственный культурный характер, хотя влияние римской и провинциально-римской культуры наложило и на нее свой неизгладимый отпечаток, насколько мы это можем проследить в археологических находках.

Первая область делится на две части, а именно на территорию, которая была прямо захвачена римлянами и постепенно закрывалась римским пограничным валом, и на территорию вне этого вала. В первой создавалось во всех отношениях то же положение, как в соседних римских провинциях, между тем как во второй последствия римского влияния были несколько смягчены.

На территории, закрытой пограничным валом, была очень сложная обстановка как в этнографическом отношении, так и в общественном расслоении. На территории *decumates agri* по свидетельству Тацита (Г. 29) самую многочисленную часть населения составляли галлы, безразлично были ли это остатки древнего гельветского населения или новые переселенцы из Галлии (которых, кажется имел прежде всего в виду Тацит). Кроме них там жили германцы и самую многочисленную часть сосредоточенную в городах и рассеянную по провинции составлял римский правящий класс. Состав военных гарнизонов был иногда еще более пестрым.

В отношении социального расслоения в захваченной территории вскоре создавалась аналогичная обстановка как и в провинциях. Много рабов и полусвободных людей, прикрепленных разными повинностями к земле, которую они обрабатывали, и к ее хозяевам, жили главным образом в домах и усадьбах состоятельных римлян.

На территории вне римского пограничного вала социальные отношения не были так сложны, но и там рядом со свободными людьми жили рабы. У германцев их жизненные условия по свидетельству Тацита были сноснее чем на римской почве, точнее, чем у римлян и галлов.

С этнографической стороны мы должны считаться на этой территории рядом с германцами также с остатками более древнего кельтского населения, постепенно исчезающего в германском населении и на юго-востоке, прежде всего на территории нынешней Словакии, также с остатками иллиров, дакийцев и сарматских языгов. Кроме того там вероятно уже начали поселяться первые славянские переселенцы, которые постепенно проникали карпатской областью в южном направлении к Дунаю и за Дунай. Они там вероятно жили как полусвободные земледельцы и также, конечно, как рабы, которых продавали в более северных краях торговцам с рабами.

Неоднородность и раздробленность населения в этническом и социальном отношениях способствовали быстрому преобладанию римско-провинциальной культуры в пограничных зонах придунайской и прирейнской. И в связи с ней также романизации, которой быстрее всего подвергались остатки старого кельтского и окельченного населения.

Население, находящееся внутри страны в бассейне Эльбы и Одры, состояло прежде всего из германцев как самого многочисленного элемента, далее из кельтов, осевших с древнейших времен в южной части этой области и постепенно исчезающих в приливе германцев, и на восточной окраине древней Германии из первых славян.

Особенно интересным является вопрос, что случилось с древним народом т. н. лужицко-силезийских полей с урнами (ropelnicová pole, Urnengräberfelder), селения которых в древние времена занимали большую часть этой области. По моему мнению мы здесь должны различать судьбы южной периферийной группы этого народа, поселившегося в северной половине Чехии, в Моравии, в прилегающей к ней Силезии и в западной Словакии от судеб остального большинства этого народа в более северных краях. Первая группа вымерла сравнительно быстро вследствие того, что в I веке до н. э. при внезапной и насильственной оккупации широкой полосы территории, начиная с Тюрингии и кончая западной

Словакией, была вытеснена, перебита или порабощена народом латенских могильников с костяками и в последующее время ассимилирована кельтской правящей верхушкой. Этой правящей верхушкой не были бойи, как предполагается в специальной литературе уже десятилетия, но волки — тектосаги, которые, согласно свидетельству оставленных ими курганов с костяками, были люди необыкновенно воинственные, а именно потому так запечатлелись в памяти соседних также воинственных германцев как завоеватели и захватчики, что их имя (не имя бойев Volc—Walh или Walak, Walek стало для их соседей синонимом для кельтов вообще.

Что этим народом не могли быть бойи, об этом свидетельствует во первых известие Страбона (I, 205), из которого явствует, что селения бойев были соседними на Дунае непосредственно с селениями винделиков, и известия Тацита (Г. 28, 41, 42) и Птолема (II. 11. 11: *μέγα ἔθνος οἱ Βαῖμοι μέχρι τοῦ Λαουβίου ποταμοῦ*) ясно доказывающее, что южным пределом Бойгегума, когда то родины бойев, было течение Дуная, во вторых археологические находки, по которым в соответствии с историческими сведениями мы должны отнести бойам чешско-баварскую область могильников, т. е. археологическую область существенно иного характера, чем была современная им область северочешских курганов с костяками.

Бойи и чешские волки в течение первого века нашей эры ушли или в приливе германцев исчезли. В Моравии потомки волков — котины по Тациту (Г. 43) и Птолемию (II. 11. 10) — удержались, согласно археологическим находкам, вплоть до I в. н. э., вероятно постепенно исчезая между германцами, проникавшими в их территорию с севера (им принадлежит большая часть курганов большого могильника с урнами близ селения Костелец на Гане, возникновение которого относится к III в.). В восточной Моравии их имя вола — валх — валах унаследовали славянские валахи, потомки славян, приходящих постепенно в эти края из Повисловья и бассей-

на Одры Моравскими воротами, проходили через Моравию к Дунаю и за Дунай в Паннонию (где засвидетельствованы уже Плинием во второй половине 1 в. н. э. славянским названием *Peiso* = *Pelso* = Плесо, НИ. III. 146, ср. также у Аврелия Виктора, *De caes.* 40), но постепенно отдельные малые группы в качестве земледельческих работников, пастухов и т. д. оседали также в гористых краях Моравии, заимствовали, будучи меньшинством, от тогдашнего кельтского большинства имя и с течением времени число славянского населения приходом новых поселенцев настолько возросло, что в горах восточной Моравии начали образовывать большинство, в котором кельтское меньшинство постепенно исчезало совершенно так, как в более плодородных краях далее на западе постепенно исчезало среди новопришедшего германского населения.

Это объяснение возникновения имени восточноморавских валахов я считаю более естественным и лучше обоснованным чем объяснения филологов, утверждающих, что в позднем средневековье валахи пришли к нам по Карпатским горам из Румынии, ибо общий языковый фонд наших и румынских валахов, как убедительно показал Кранжалов, больше чем ничтожен (лишь 25 слов, относящихся к занятиям горных пастухов) и мог к нам перейти также из славянской среды из западной Украины.

Что касается нынешних румынских валахов, я считаю вероятным, что также они заимствовали свое имя от кельтских волков или были названы по их имени во время пребывания дакийцев в Словакии, вытесненных оттуда языгами и квадами, и перенесли это свое название и в свои новые селения в нынешней Румынии.

Таким образом по моему мнению происходит название обоих моравских и румынских валахов из той же старой кельтской основы.

Аналогичный процесс перехода названия, происшедшего в восточной Моравии приблизительно в III—IV вв. н. э., осуществился приблизительно на полтысячелетия раньше,

но в гораздо больших размерах, далее на севере в области народа т. н. полей с урнами. Судьба этого народа была несколько иная, чем в наших землях. Его территория не была занята германцами сразу, как у нас кельтами. Германцы в нее, по-видимому, проникали маленькими группами, начиная уже с поздней эры галлштадтской. Как меньшинство они оседали на территории людей, живших в этой области уже тысячелетия, и вероятно заимствовали название и обычай тогдашнего большинства населения, как это засвидетельствовано и на других местах (напр. у славянских венедов, позднее у варнов, руянцев и др.). Прежнее меньшинство постепенно становилось большинством, но старое название земли и ее жителей продолжало сохраняться. Прежнее население в конце концов совершенно было поглощено германцами, ассимилировано, но его наименование несли новые жители германцы. Германцы, в жилах которых был более или менее высокий процент крови прежнего населения. И эти германцы носили — рядом со своим племенным названием — общее имя свевы и их земля называлась Свевия!

Название свевы засвидетельствовано рядом античных авторов — Цезаром, Страбоном, Плинием, Тацитом, Птолемеем — для германского населения при Эльбе и Одре, в области, в которой когда-то в течение ряда столетий жил народ т. н. полей с урнами. Из более древнего германского периода в нордической области, откуда пришли германские переселенцы на территорию народа т. н. полей с урнами, название свевы ни германской традицией ни другим образом не засвидетельствовано.

Таким образом по моему мнению возможно и вероятно, что названия свевы, Свевия первоначально принадлежали народу т. н. полей с урнами и его земле и что с течением времени перешли к германам, переселившимся в древнюю Свевию из нордических земель. Это подтверждается также особенно тем обстоятельством, что это название в период приблизительно около начала нашего летосчисления принад-

лежит чрезвычайно большой территории, бывшей ранее родиной народа т. н. полей с урнами и является общим названием большого ряда германских племен, но оно совершенно не известно в древнейшей германской доисторической эпохе.

Кроме названий свевы, Свевия могли быть унаследованы от древнего народа т. н. полей с урнами и другие названия, напр. наименование самого старого свевского племени семнонов на территории между Эльбой и Одрой, т. е. в центре прежней территории народа т. н. полей с урнами, название, звучащее также не по-германски. Таким же наследством мог быть и древний таинственный культ всевластного бога с его варварскими человеческими жертвами в священной роще семнонов, точно также и древний обычай свевов связывать себе волосы в узел или с боку или на темени головы, обычай неизвестный также другим германцам.

Что касается общественного расслоения жителей, то к области между Эльбой и Одрой относится то же, что о кельтах и германцах сообщили Цезар и Тацит.

Два слоя населения у кельтов занимали господствующее положение, военная знать и каста жрецов друидов. Остальные свободные люди не играли роли в общественной жизни, не приглашались на общественные собрания и жили почти также как рабы. Многие свободные люди, придавленные слишком большими повинностями или угнетаемые более влиятельными соотечественниками, шли добровольно в рабство к аристократии, чтобы таким образом обеспечить себе ее защиту. Аристократия приобрела над ними те же самые права как над настоящими рабами.

Рядом со знатью и во время упадка ее военной славы под конец латенского периода быть может еще большее значение чем знать имела каста друидов, занимавшаяся не только исключительно религиозными делами, но также другими общественными функциями, в ее руках было сосредоточено судопроизводство и воспитание молодого поколения учеников. Под влиянием их учения о переселении душ покойников в наших землях также как и далее на западе отказа-

лись от древнего обычая захоронения покойников с богатыми пожертвованиями. Мертвых продолжали сжигать, но уже не на открытых кострах, но — согласно усовершенствованию процесса сгорания — в закрытых печах и пепел покойников укладывали впоследствии в простые ямки в земле без урн и без жертвований.

Участь рабов была у кельтов по всем данным такой же печальной как в римской империи. Они были просто *mancipium*, бесправное имущество своего господина, подобно скоту или другим предметам, которыми владел господин.

У германцев общественное расслоение не имело таких последствий и социальные различия не были такими резкими как у кельтов. Все германцы были в сущности свободные люди. Случалось, конечно, что многие из них, играя в кости, когда им уже нечего было вносить в игру, закладывали самих себя, и когда проиграли, считали делом чести, сдержатъ слово и идти в рабство к выигравшему, но вообще у германцев были рабами, вероятно, лишь люди чужеземного происхождения, прежде всего пленники. От своих рабов, приобретенных игрой в кости, германцы старались избавиться, продавая их. Ввиду этого, конечно, участь этих несчастных только ухудшалась, особенно, если их новым господином становился римлянин или человек из провинции. Судьба других рабов не была у германцев столь суровой как у римлян или кельтов. По свидетельству Тацита (Г. 25) у каждого раба был свой собственный дом, в котором он распоряжался по своему усмотрению. Господину он отдавал также как и у римлян колоны зерно, скот или одежду в том количестве, какое ему господин предписал. По словам Тацита лишь изредка случалось, чтобы рабов избивали, связывали или наказывали работой (как у римлян). Если иногда случалось, что раб был убит своим господином, то это не происходило умышленно, чтобы раб был строго наказан, но только в припадке вспыльчивости — часто вероятно пьяного — господина.

По Тациту вольноотпущенные у большинства германских

племен не жили на много лучше чем рабы. В общественной жизни они иногда выдвигались вперед лишь у тех племен, у которых были короли. По словам Тацита им иногда удавалось занять высшие места чем людям, родившимся свободными, или знати.

Какие отношения господствовали среди других этнических групп, в окраинных районах древней восточной Германии, об этом нам как исторические сведения, так археологические находки мало говорят. Что касается славянских венедов, вероятно, что между ними были те же отношения, как и у их германских соседей. Рядом со свободными людьми были у них также рабы, но их судьба как и у германцев была сноснее чем в рабовладельческих областях римской империи. Иностранцы, южные купцы, приходившие именно в эти края по дорогам из Карнунтума и Бригетiuма, покупали, конечно, также прежде всего рабов, что непременно имело неблагоприятное влияние в этих краях и на развитие отношений в этом направлении.

Торговые сношения южных купцов с германцами и славянами очень облегчались их гостеприимством, при чем гость мог попросить любую вещь, которая ему нравилась. Было принято удовлетворить гостя. По свидетельству Тацита (Г. 21) у германцев (и вероятно также и у их славянских и других соседей), конечно, было принято, что и хозяин мог у уходящего гостя попросить то, что нравилось ему. Таким образом вероятно многие металлические сосуды южного происхождения, так нрвпящиеся германцам, были выменены на раба или редкий мех . . .

Что касается занятия населения, в то время, которому посвящена наша работа, существовала принципиальная разница между кельтами и германцами нашей области. Кельты уже большей частью потеряли свою бывшую боеспособность и доблесть (*virtus*) и поэтому вероятно удалились за охранительные стены своих городов (*oppidum*), где кроме торговли занимались прежде всего самыми разнообразными видами ремесл от очень развитого гончарного дела через об-

работку металлов вплоть до производства тончайших золотых украшений, литья стекла и производства браслетов, кружков для украшения и т. п. из разноцветного стеклянного сплава, эмалировки, чеканки золотых и серебряных монет и т. д. Многочисленные находки ключей в кельтских жилищах свидетельствуют о том, что приходилось защищать частное имущество от алчных рук других людей.

Сведения античных авторов и археологические находки свидетельствуют, что главным занятием германцев было земледелие, скотоводство и военное дело. Из ремесл, производимых по-домашнему, были засвидетельствованы главным образом гончарное дело, колесничество, плотничество, прядение и тканье материй и др. Забота о доме и домашние работы предоставлялись женщинам. Мужчины в свободное время предавались пиршествам и связанным с ними продолжительным попойкам, как об этом свидетельствуют также многочисленные находки в германских могилах, кованые рога для питья вина и пива (меда), ввезенные металлические сосуды, служащие той же цели и т. п.

Из большого количества культурных находок, сделанных на поселениях и в могилах, сортировкой и оценкой которых я здесь не могу заниматься, я подчеркнул бы на конец значение только что упомянутых находок металлических, бронзовых, серебряных и позолоченных и других сосудов и их распространения для обсуждения интенсивности торговых сношений между отдельными областями римской империи и свободной Германией и одновременно также для знакомства с теми дорогами, по которым римляне ввозили товары в Германию.

В эльбско-одерскую область шел ввоз этой металлической, в первую очередь бронзовой посуды из Италии и придунайских провинций главным образом по путям из придунайского птолемеевского Арелата в Норике и из Виндобоны и в менее значительной степени также из Карнунтума и Бригетиума. На западе это были главным образом пути из важных римских пограничных военных стоянок в районе

нижнего течения Рейна, из которых в топографии Птолемея отразились прежде всего пути из римского Алисума на восток к Амисии у истоков реки Мже и оттуда по совместной линии с путем из южного Сегодунума к нижней Эльбе и в западную Прибалтику.

В страны на дальнем севере в Ютландию, на датские острова и в Норвегию и Швецию ввоз приходил вероятно из римской Галлии также перевозкой на кораблях по морю. На датские острова и в Скандинавию на кораблях переправлялся и весь южный ввоз, доставляемый к побережью Балтийского моря сухопутным путем.